

— Мой главный враг — предвзятость, — сказала Алла.

Читаем письмо, полученное совсем недавно. С разрешения адресата привожу его почти целиком:

...«Что до выступления, оно было прекрасным. Но Вам самой-то не стыдно выступать в таком балахоне? Был у Вас какой-то пролеск, когда Вы выступали 8 марта в Останкино, но Вы снова взялись за старое. Неужели Вам самой не хочется нравиться не только голосом, но и внешностью? У кого ни спросишь, все говорят — Пугачева прекрасная певица, ее можно поставить на один уровень с выдающимися мастерами мировой эстрады. Но вот насчет внешности всегда слышишь отрицательный ответ. Неужели так трудно сшить нормальное платье с рукавами, а не брать пестрый кусок материала и прорезать в нем дыру для головы? Другие могут скрывать под таким платьем свои физические недостатки — а у Вас же очень красивые руки и фигура...».

— Знакомо? — горько усмехается Алла.

— Знакомо, — соглашаюсь я.

— Если бы дело было только в платье, — продолжает она, — с ним-то более или менее просто. Сшито оно по эскизу Вячеслава Зайцева и меня очень устраивает — это даже не платье, это театральный костюм. Главное в нем — не красота, это, если хотите, моя рабочая спецовка. Его задача — помогать мне создавать на сцене образы моих песен, и многообразие этих образов соответствует его многоцветность, свобо-

(Продолжение. Начало см. в № 234).

Л. НИКИТИН

НЕСКОЛЬКО НЕТРУДНЫХ ДНЕЙ

ДЕНЬ ВТОРОЙ

«...НОРМАЛЬНОЕ ПЛАТЬЕ С РУКАВАМИ»

да. В Польше я записала часовую песенную программу для популярной передачи «Студио-2». Для записи на телевидении мне предложили на выбор десять различных платьев, специально сшитых по этому поводу. Но когда я продемонстрировала им возможности своего костюма, который может превратиться и в цыганский, и в «шекспировский», и в детский, и в «магический», и в русский народный — польские товарищи в один голос сказали: пой-те в нем.

Но дело не только в платье. Я слышу здесь и другой вопрос, хотя он впрямую и не задан: почему вы не такая, как все, почему вы позволяете себе то, чего другие позволить не могут? Достаточно слышала, да и читала отзывов о себе, где предстаю

эдаким претенциозным, вульгарным существом с чрезмерной потугой на экстравагантность и оригинальность.

Не знаю, о чем тут всерьез можно говорить. До экстравагантности на нашей эстраде еще далеко, мы страдаем от похоти певцов друг на друга — я, может, и рада быть экстравагантной, но возможности нашей эстрады не позволяют — звукотехника, свет, оформление сцены не то.

— Но вы же не будете отрицать право каждого зрителя на собственную точку зрения, на критику манеры того или иного исполнителя? — спрашивает один из участников беседы журналист М. Шлагин.

— К сожалению, зачастую вместо серь-

езного анализа, квалифицированной критики, которая помогает настоящему артисту, встречаешься с попытками подогнать твою индивидуальность под традиционный стереотип. Как тут не вспомнить то самое «нормальное платье с рукавами».

Но ведь если вы приходите на выставку-продажу картин и одну из них покупаете, это вовсе не значит, что все остальные плохи — просто вас они могут не волновать, или просто к интерьеру, к цвету обоев или мебели не подходят. Но вы же не пишете письма в соответствующие организации и художнику с требованиями прекратить эту мазню и писать только «за цвет»?! Почему же порой в отношении эстрады именно так происходит?

— И все-таки, вы, по-моему, чересчур «давите» на зрителя, диктуете ему свою точку зрения, может быть, не всегда безошибочную...

— Да нет, я меньше всего хотела бы, чтобы сложилось впечатление, будто я сражаюсь с публикой. Мы друзья и, как правило, друг друга отлично понимаем. Более того, я считаю, что ничего не достигла бы, не будь передо мной постоянной сверхзадачи — доставить радость зрителю. Ведь он на каждом концерте разный, у людей разный темперамент, разное настроение, приходится работать в различных по величине и акустике залах — все это нужно учитывать во время концерта. Поэтому и каждое свое выступление я строю по-разному — ни один концерт не повторяется. Мне глубоко чужда позиция некоторых певцов, которые уже априорно ставят себя выше зрителя — вот такие мы есть и воспринимайте нас именно такими.

На каждом концерте я ориен-

тируюсь в первую очередь на зрителей. Причем главное для меня не возраст зрителя, хотя, казалось бы, мне можно было ориентироваться только на молодежь. Нет, зрителя для меня характеризуют такие качества, как глубина чувств, эмоциональность, способность к сопереживанию. Меня интересует, изменилось ли что-нибудь в зрителе после концерта, и часто убеждаюсь, что это происходит.

Бывает так, что после выступления ко мне подходят и говорят примерно так: «Я вас раньше терпеть не могла, а сейчас прошу за это прощения». Или недавно мне написали, что одна девчонка после моего концерта пришла в библиотеку и попросила книгу Шекспира, решив, что Сонет — это имя. Уже польза: Шекспира прочтает. Конечно, нет никакой гарантии, что я понравлюсь всем зрителям, да я к этому и не стремлюсь, но в том, что я отдаю всю свою душу, все сердце на сцене — в этом можете быть уверены.

— А что касается ошибок, — продолжала Алла, — так они, естественно, бывают. Я ведь на себе еще крест не поставила, вовсе не считаю, что достигла предела, потолка в творчестве — я пока еще расту. Мне запомнились слова, сказанные однажды Майей Плисецкой: «Может быть, я в чем-то ошибаюсь, но я считаю, что человек, добившийся популярности и успеха, в первую очередь заслужил и право на ошибку». За точность слов не ручаюсь, но смысл был именно таким. Мне кажется, что я заслужила право на эксперимент.

Мне бы хотелось, чтобы эстрада у нас была молодым искусством, что не всегда связано с возрастом исполнителя. У меня

нет желания продержаться на сцене до 60 лет, стать мэтром эстрады — дело не в этом. Но свой, желательный яркий след в искусстве эстрадной песни я хотела бы оставить. И на этом пути меня никто не остановит.

Самым отвратительным качеством считаю зависть. Не верю ни в какую «белую зависть», считаю, что это чувство, недостойное человека. Поэтому не очень люблю конкурсы — очень часто твоя победа воспринимается кем-то как личное оскорбление. Можно подумать, что я все и везде только выигрывала — нет, занимала и вторые, и третьи места. Как-то на Всесоюзном конкурсе взяла третье место, а первое — драматический актер Валерий Чегодамов — ну и что? Значит, чего-то не учла, сама виновата. Я так и осталась Пугачевой, а он — Чегодамовым. И никаких трагедий, никаких обид.

Обижают иногда мелочные придирки. Недавно в одной характеристике мне написали, что я не занимаюсь общественной работой. Да мне что, стенгазету что ли выпускать? Я — певица. Выступления в цехах заводов, перед рабочими — вот моя общественная работа. Между прочим, я почетный член бригады коммунистического труда на ЗИЛе. Никогда я еще не отказала комсомольцам — в Ростове давала по три концерта в день, чтобы выкроить время, выступить перед строителями Атоммаша. Это что, не общественная работа? А кружки в ЖЭКах я еще буду вести, когда петь не смогу. Может, не так уж и много осталось...

— А пока и дальше буду совершенствоваться, менять репертуар. Были бы только песни, — сказала Алла.